

Сергей МОСКВИТИН

ПЕЛЕДУЙСКИЙ КУЛИБИН

На фронт – добровольцем

Когда Кеша Карелин учился во третьем классе, отец купил ему ружьё, с которым мальчишка добывал белку и соболя в лесу. С 16 лет сильный и крепкий парень трудился в кузнице Пеледуйской судовой верфи.

Совершеннолетие пришло к нему в тот июньский день сорок первого, когда миллионы уст произнесли страшное слово «война». В ту пору парню было 18, и юное сердце патриота продиктовало ему заявление: «Прошу призвать меня в Красную Армию и направить на фронт. Хочу своими руками душить фашистскую гадину...»

Военный комиссар ответил: «Придёт время – призовём». А он считал, что такое время пришло. И его друзья-одногодки так считали. Сколотив команду, ребята на лыжах рванули в Мухтую, но в райвоенкомате их ждало разочарование: добровольцами брали тех, кто постарше. Иннокентий не смирился, начал слать телеграммы в Наркомат обороны СССР, дважды писал лично маршалу К. Е. Ворошилову.

Весной 1942-го он, наконец, получил повестку о призыве в армию: настойчивость оказалась сильнее брони, которую в первый же день войны наложили на всех судостроителей Пеледуйской верфи.

И вот Кеша пришёл в школу проститься с учителями. Мальчишки помладше смотрели на него с откровенной завистью...

Вскоре Кеша написал домой, в Пеледуй, из Ленинграда. То были короткие весточки из осаждённого города, над которым витала смерть. Мать солдата, Клавдия Кузьминична, перечитывала письма, ещё хранившие тепло рук её Кеша, плакала ночами и с тревогой ждала очередную сводку Совинформбюро.

Отец, Александр Иванович, как мог, утешал жену...

Иннокентий Карелин

«Немцы держали Ленинград за горло...»

В начале своего фронтового пути Иннокентий Карелин прошёл короткую 18-дневную подготовку в учебном батальоне под Челябинском, окончил курсы снайперов. За отличную учёбу ему досрочно было присвоено звание старшего сержанта.

Пришёл приказ направить лучших снайперов-добровольцев в осаждённый блокадой Ленинград. Карелину поручили отобрать самых лучших из добровольцев и назначили командиром отделения. В город на Неве переправились через Ладожское озеро на небольшом сторожевом корабле. Там и приняли первое боевое крещение. Было это в конце августа 1942 года.

Город на Неве в своей неповторимой архитектуре замер в кольце блокады. Немец, вооружённый до зубов, палил и палил, казалось, бесконечно трезвонили динамики: «Рус, сдавайся!».

Ленинград оказался тогда в кольце лучших эсесовских дивизий. Немцы держали Ленинград за горло. Самая дальняя линия обороны города находилась всего в 12 км от него, а местами она приближалась до трёх-четырёх километров; по сути, натиск немцев сдерживать было нечем. Винтовки образца 1884 года. Орудий много, но снарядов не хватало, пользовались тем, что ленинградские рабочие успевали выточить на заводах. Голодные, в холодных цехах (оконные стёкла рассыпались от обстрелов и бомбёжек), они работали на износ. Электроэнергии не хватало: нечем было топить котлы электростанций. Станки крутили вручную: двое крутят, третий точит снаряд.

Старший сержант Карелин с месяц командовал отделением снайперов в пехотной дивизии. Но снайперов всех разобрали по пехотным ротам, а Карелина забрали в артиллерийскую связь, поставив во главе 15 связистов, чтобы обеспечивать телефонной связью артиллерийские батареи разных калибров, вплоть до гаубиц на гусеничном ходу, а также знаменитые «Катюши».

Линий приходилось тянуть много: к тяжёлым гаубичным артполкам, к противотанковым пушкам, к реактивным миномётам «Катюша»...

В первый же день трое бойцов Карелина подорвались на минах.

«Дивизия наша стояла в разбитой и сожжённой немцами деревушке Невская Дубровка, – вспоминал фронтовик. – Из техники были только два броневишка и станковый пулемёт «Максим», противотанковые ружья и гранаты. Моя задача состояла в обеспечении телефонной связью артиллерийских батарей. Работа эта очень опасная. Связисты несли на войне большие потери.

Днём и ночью с катушками телефонного провода ползли под миномётным огнём по немецким минным полям, которые не всегда были обозначены на штабных картах; сверху за нами охотились «мессершмитты», которые не только обстреливали нас, но и бомбили. В такой вот обстановке нам прощалось лишь временное отсутствие связи, не более пяти минут.

Спрашивали строго, вплоть до трибунала. Действовал приказ Г. К. Жукова, по которому рядовых и сержантов расстреливали без суда, если они оставляли свой участок обороны: отступить-то было уже некуда.

В Колпино, в восьми километрах от Ленинграда, на ижорских заводах изготавливали пулемёты, винтовки, автоматы и броневые плиты для танков. Немцы рвались захватить эти заводы. Рядом с заводами стояли каменные двухэтажные дома. Помню, мы вели оборону, засев в одном из этих домов, палили по фрицам из «Максима» из окна второго этажа. Весь пол был усеян гильзами, тысячами мы их отгребали по углам...

Немцы так и не смогли преодолеть последнее препятствие на пути к заводам – речушку Ижорку. И со зла почти ежедневно обстреливали заводы. У станков стояли женщины, 14-летние подростки, точили стволы к автоматам и пулемётам. На моих глазах не раз в каком-нибудь цехе вспыхивал пожар после обстрела. Огонь гасили, и цех снова работал.

Чтобы обеспечить заводы топливом, моряки-водолазы протянули нефтепровод по дну Ладожского озера. Трубы собирали по всем дворам, фабрикам и заводам. Плетки варили на

берегу, а по ночам протаскивали по дну, под самым носом у фрицев. Удивительно, что немцы так и не пронюхали насчёт этого нефтепровода.

Тяжело было смотреть на пожилых и детей, которые за 10–15 км ходили за водой на Неву. Выход в город и парапет набережной обледенели, они скатывались вниз, обливаясь водой, и навсегда оставались в ледяном панцире. Был жестокий холод. Помню, одной книгой «Капитал» Маркса кипятили котелок воды. Грелись изнутри.

Ещё безумно было жаль девчат-лётчиц, летающих ночью на По-2 в расположение немцев для бомбардировки. Летят, снаряды под ногами в кабине, где огонёк, туда и скидывали их руками. Немцы боялись их и называли ночными ведьмами. Днём они ходили в специальных защитных очках, кормили их морковью и сушёной черникой для остроты зрения.

Невыносимо больно и тяжело было мне хоронить девчонку-лётчицу. Русые густые волосы рассыпались вокруг прекрасного лица. Дал выстрел – последние почести. За что? Их-то за что? Мы – мужчины, и война – наша доля. Они же не рожавшие...

Немец зверел, особенно в районе Невской Дубровки, штурмовал через неё. Там были основные бои. Земля пропитана металлом, кровью и потом солдат. Тащим с другом два ящика, по 40 кг каждый, оборудование батарей питания, устанавливаем связь с гаубичными соединениями, «Катюшами», провод на земле. Идут танки – гусеницами «сжёвывают» его, связь теряется. Снова ползём устанавливать. Руки мёрзлые, не слушаются, а кругом – минные поля.

Пятачок малый, с полкилометра в длину и ширину. Немец заметил нас и лупит что есть мочи. Ни ямки, ни ложбинки, укрыться негде. Напарника моего убило. Ползу к березняку, а там штабеля из наших погибших солдат, где руки, где ноги. Укрылся за них, затаился, прикорнул, а к утру всё стихло.

«Спасибо вам, ребята, за последнюю вашу добрую услугу!» – говорю им мысленно...

Как бы крепко мы ни держали оборону города, блокаду нужно было прорывать. Самым близким участком для этого был противоположный берег Невы, который занимали войска противника, от Шлиссельбурга до Невской Дубровки. За ним, в Синявских болотах, стояла наша Вторая ударная армия под командованием генерала Власова, всего в четырёх километрах от нас.

Эта армия не раз пыталась пробиться на помощь Ленинграду, но у них не было ни боеприпасов, ни провизии, а главное – по болотам не было дорог. Мы в свою очередь неоднократно форсировали Неву им навстречу, но соединиться не смогли, ведь кругом нас стояли отборные ээсовские дивизии: танковый полк «Адольф Гитлер», дивизия «Викинг», голубая испанская дивизия, венгерский отборный полк.

Немцы обычно ждали, когда мы на своих лодках и плотках доберёмся до середины реки. А потом накрывали нас плотной стеной залпов из миномётов, автоматов и пулемётов. До берега добирались немногие. Когда я вижу это во сне, рубашка становится мокрой от холодного пота.

После разгрома немцев под Сталинградом в январе 1943 года мы пошли на прорыв Ленинградской блокады. 10 января 1943 года артиллеристы за день выпустили полтора миллиона снарядов – рекордное для Ленинградского фронта. И немец не выдержал, дрогнул. Три дивизии нашей Восьмой армии атаковали немцев по льду Невы. 14 января мы встретились с войсками Волховского фронта. То-то было радости! К 18 января освободили Шлиссельбург. День прорыва блокады был незабываемым: все обнимались, целовались, плакали, рыдали от счастья...»

В разных переделках удалось побывать Карелину. Дважды избежал он смерти от снайперских пуль: одна лишь обожгла нос, друга чиркнула под подбородком. Трижды был ранен, в последний раз еле выкарабкался, чудом остался жив.

Иннокентий Карелин (слева) в одном из госпиталей в послевоенные годы с соседом по палате

Отвоевался

Это произошло 22 апреля 1943 года при освобождении Октябрьской железной дороги Москва – Ленинград. День рождения Гитлера наши бойцы решили отметить особо, наступлением. Пехота пошла вперёд, а связи нет никакой. Бой шёл на Октябрьской железной дороге, близ Колпино.

Лишь к полудню вышибли фрицев из траншей, завязалась рукопашная. Когда срочно потребовалась связь, послать уже было некого. Шутка ли, из отделения осталось пятеро бойцов, все задействованы. Карелин побежал сам, да напоролся на вражеского пулемётчика. Ринулся, как в укрытие, к ближайшим кустам – и тут вдруг в двух шагах разорвался снаряд. Рвануло правую руку, боль обожгла такая, что Карелин потерял сознание...

После боя делали своё печальное дело санитары. Торчит из земли кирзовый сапог, потянули – не поддаётся. Значит, хозяин там, под землёй. Стали копать – видят, лежит без памяти кудрявый скуластый парень в гимнастёрке. Весь в крови, весь помятый, но живой.

22 раны по всему телу насчитали врачи у Иннокентия. Осколками вражеской мины солдату оторвало правую руку, выломало два ребра, взрывной волной разорвало перепонки ушей. Крови в нём тогда почти не осталось, выхлестала через артерию оторванной руки, медики долго колдовали над обречённым, казалось, бойцом, влили в него пять литров донорской крови, но жизнь Карелину спасли. «Колдовала» над пареньком военная врач-хирург. Раскрошенные рёбра пришлось удалить. Спина была страшно изуродована. В довершение ко всему боец перестал слышать. Врачи вынесли суровый вердикт: слух не восстановится. Это в двадцать-то лет!..

Долго тащился на восток санитарный поезд. Иннокентий привыкал к тому, что правый рукав пуст и нужно теперь всё делать одной левой. А ещё он не слышал...

Глухой ночью добрался Иннокентий до родного дома.

Стучит – никто не открывает. Оказывается, мать за дверью несколько раз спросила: «Кто там?». А Иннокентий не слышит.

Наконец, дверь открылась.

Припала мать к сыновней груди, плачет, убивается: да разве таким я тебя посылала!..

Увечье – делу не помеха

12 лет после того злополучного «дня рождения» русский солдат иногда не мог стоять на ногах, терял равновесие. Лечился по госпиталям. Общался он с трудом, научившись после долгих тренировок лишь немного понимать собеседника.

В посёлке о нём говорили с состраданьем: «Калека на всю жизнь», а он твердил себе: «Я не калека. Просто раненый фронтовик, а раны заживают».

Его лекарством стал труд. В первую очередь надо было научить левую руку быть такой же умелой и сноровистой, какой была правая. Затем – научиться понимать говорящего по губам. Это оказалось сложнее. Его терпеливо тренировали родители, младшие братья и соседские ребята. Часами длились мудрёные уроки беззвучного разговора, постепенно пришла уверенность в своих силах, расширялся круг интересов, появились увлечения. Война искалечила ему жизнь, но не лишила жизнелюбия.

Первым и самым сильным его увлечением стала фотография. Прочитал немного из того, что удалось достать по технике фотографирования, изучил трофейный фотоаппарат, составил реактивы и стал единственным на весь посёлок фотографом с патентом.

Познакомился с девушкой-красавицей Зоей и сумел очаровать её.

Работы – хоть отбавляй, а тут появилась семья, прибавилось домашних забот. Решил обзавестись своим домиком. Судоверфь помогла с материалами. Работу всю делал сам, одной рукой – и плотничал, и столярничал. Дом получился как игрушка. И поселилось в нём счастье.

И соседи, и родные вскоре стали замечать, что Иннокентий и с одной рукой заткнёт за пояс многих мужиков! Карелин умудрялся токарить и плотничать, слесарить и хитро ставить капканы на соболя. Прилачился из ружья добывать водоплавающую и боровую дичь. Никому не уступал в рыбной ловле. На пушнину оказался фатовым.

Как-то прослышал, что есть сломанный самолёт. Попросил авиаторов разрешить разобрать корпус, дескать, лодку делать буду. И сделал всему посёлку на диво.

Лодки для судостроителей – не проблема. Редко кто в посёлке не умел их делать. После войны они появились почти у всех мужиков. А коль образовалась «флотилия» – начались соревнования на скорость. У Карелина в этом соперников не было, его моторка собственной конструкции ветром носилась над ленской волной. Двигатель на ней стоял комбинированный из многих запчастей, в том числе и авиадвигателя.

Страстное желание приносить пользу людям не покидало его никогда. Был сотрудником многотиражки «Ленский судостроитель», овладел специальностью цинкографа, стал отличным фотокором. Но у него была мечта – изобрести мотобот, который бороздил бы снежные просторы и послужил добрую службу охотникам.

Долго трудился над своим изобретением пеледуйский умелец. И вот плод его многолетнего труда был готов. Автор назвал его снегоходом. Конструкция его проста: каркас из стальных труб, двигатель – мотоциклетный, ход – гусеничный. Иннокентий Александрович смонтировал руль управления и бензобак. Технически всё рассчитать Карелину помогли работники техотдела Пеледуйской РЭБ.

Иннокентий Карелин на фоне построенного им дома (где располагался его салон фотографии), с мотоциклом, собранным из разных запчастей, и с добытым им тайменем, 1956 год

И охотник, и изобретатель

Однажды пеледуйцы увидели фронтовика на самодельном снегоходе и диву дались. Тогда только-только первые мотонарты «Буран» появляться стали. Модель Карелина была немного неуклюжа, однако проходимость не уступала заводским образцам.

Потом ветеран изготовил второй вариант снегохода, более совершенный. На глубоком снегу или наледи он оставлял «Бураны» позади себя. И лишь при затажном крутом подъёме, в глубоком и рыхлом снегу Карелину приходилось прокладывать тропинку, зато потом снегоход вывозил охотника вместе с поклажей на самую вершину сопки. А по пути к его промысловому участку их было немало. Зимовье Карелина располагалось более чем в 40 км от Пеледую.

Снегоходом Иннокентия Карелина заинтересовались республиканские организации, в частности, управление охотничьего хозяйства «Холбос». Иннокентию Александровичу сделали спецзаказ – изготовить один экземпляр снегохода. Всю зиму мастерил Карелин, усовершенствовал кое-какие узлы. Снегоход получился на славу, в Якутске его испытали и одобрили, сделали заказ на одном из заводов, но там по каким-то причинам отказались его выполнять.

А Иннокентий Александрович продолжал усовершенствование своего изобретения и бороздил снежные просторы пеледуйской тайги. Скорость его снегохода достигла 30 км в час, он брал на себя двух человек и тянул до 300 кг груза на прицепе.

Снегоход Иннокентия Карелина

Ездить в своё зимовье фронтвику приходилось часто, поскольку охотился он в основном капканами.

Много лет изобретатель занимался усовершенствованием стандартных охотничьих капканов. Смастерил даже вертикальный тип, пригодный для любого зверя. Один из своих капканов он запатентовал и с его помощью в один из сезонов добыл 15 соболей и около 200 белок.

Каждую весну фронтвик вспахивал землю на огороде и проводил её междурядную обработку микротрактором своего изготовления. Двигок приспособил от мотороллера, несущие конструкции собрал из металлолома.

Он всё время что-то мастерил. Внимательно смотрел передачи центрального телевидения «Это вы можете», искал советы в журналах по рационализации и изобретательству, советовался с мастерами из механического цеха.

Однажды приехал в Якутск – заглянул в областной совет ВОИР (Всесоюзное общество изобретателей-рационализаторов), где встретил его председателя В. Д. Прокопьева. Встретились два фронтвика – и сразу нашли общий язык.

Пеледуйского изобретателя избрали членом Якутского республиканского комитета по рационализации и изобретательству. Во всесоюзном журнале рационализаторов и изобретателей «Моделист-конструктор» опубликовано несколько его изобретений, на семь из них выданы авторские свидетельства.

К примеру, в «Моделисте-конструкторе» № 2 за 1974 год даны фотография, чертежи и подробное описание его снегохода.

Журнал «Северные просторы» (№ 1 за 1988 год) опубликовал конструкцию его охотничьего капкана, а второй номер за 1988 год – фотографию и описание мельницы для размола кедровых шишек. Главная деталь мельницы – мотор бензопилы «Дружба». С ним связан обыкновенной велосипедной передачей барабан с зубьями. Бункер вмещает ведро шишек. Одна такая мельница позволяет заготовить за восемь часов 20 мешков чистого кедрового ореха по 60 кг каждый.

В третьем номере за этот год опубликованы фотография и описание трактора из мотоцикла. На снимке за рулём трактора сидит сам изобретатель.

«Порой не верится, друзья, и всё-таки бывает!»

Однажды Иннокентий Карелин прослышал: будут автомобильные гонки от Покровска до Якутска. Решил принять в этих соревнованиях участие. Приехал на своём «Москвиче». Организаторы не знают, как быть: водитель-то одорукий. Как говорится, менжуются. Сел фронтовик за руль да и показал класс. Машина слушалась хозяина как отлично вышколенный конь. Что после этого оставалось комиссии? Конечно, разрешила. Иннокентий и тут не подкачал: пришёл первым и взял первый приз! Всем доказал, что не хуже других. А лучше.

Приехал как-то в гости к Иннокентию друг детства.

– Какого, – говорит, – Кеша, ты сына вырастил: косяя сажень в плечах!

– Ничего, – удовлетворённо ответил Иннокентий, – мой Санька парень ладный.

И, прищурившись, добавил:

– Только где уж ему до меня!

– То есть как?!

– А так – спит много, не рано встаёт.

Александр уточнил: отец встаёт в пять утра, я – позже.

Оказалось, что сын при своём почти двухметровом росте и немалой природной силе легко вытаскивает из лодки двухсотлитровую бочку, наполненную бензином. Отец же её просто выкидывает своей левой рукой.

Подвозили как-то раз Карелина на «Запорожце», ехали по бездорожью. Машина увязла в грязи и застряла. Шофёр и пассажиры вылезли, гадают, как вызволить автомобиль. Иннокентий взялся за передок и перетащил машину на сухое место.

У водителя челюсть отпала от удивления, а Иннокентий ему говорит:

– Езжай, парень, назад. Спасибо за помощь. Дальше мы сами дотопаем. Тут половина пути осталась.

В 1956 году Иннокентий Карелин собрал из разных запчастей мотоцикл. В то время у молодёжи было повальное увлечение мототехникой, и Пеледуйская РЭБ организовала гонки Пеледуй – Мухтуя на мотоциклах. Собрались любители с окрестных деревень и посёлков, Витима, Чуи. Дали старт. Вздыхая клубы пыли, кавалькада из двух десятков мотоциклистов лихо рванула по бездорожью... Победил в этой гонке пеледуец Иннокентий Карелин.

Человек неборимой воли, Иннокентий очень хотел слышать, как все. Ездил по военным госпиталям. Врачи делали что могли и даже больше. Но под конец развели руками: ранения, мол, такие серьёзные, да и контузия в придачу.

Однажды бывший солдат ехал в Иркутске на троллейбусе. На повороте сильно качнуло, и он ударился головой о никелированную трубу, за которую обычно держатся пассажиры. Сильно ударился, и, видать, там, где следовало. И вдруг полились в уши жизненные звуки, всё их многообразие, многоцветье. Впечатление поначалу было такое, как будто вылилась из ушей вода, накопившаяся за длительное купание. Радость, конечно, несказанная была для фронтовика: не иначе, как чудо произошло. А ещё, без сомнения, счастливый случай для того, кто его не просто ждёт, но идёт ему навстречу. Недаром говорят: «Если очень захотеть – можно к звёздам полететь!».

С Иннокентием Карелиным я, журналист, встречался несколько раз, задавал ему разные вопросы. У меня и подозрения не возникло, что он меня не слышит. Он меня *слышал*. Правда, говорить приходилось громко и близко к уху, но за губами моими фронтовик не следил. Видимо, Господь под конец жизни всё же подарил ему эту способность – слышать.

Иннокентий Карелин (крайний слева в первом ряду) с братьями Дмитрием, Никодимом и Анатолием (вверху), с супругой Зоей Васильевной и родителями Клавдией Кузьминичной и Александром Ивановичем. Клавдия Кузьминична держит на руках внука Александра (сына фронтовика)

Даже в возрасте за 80 Иннокентий Александрович продолжает охотиться.

– Я никогда не курил и не пил, – признавался фронтовик, – даже на войне отдавал свою норму ребятам. Хотел бы посоветовать нынешней молодёжи не увлекаться этой гадостью.

Интересный случай поведал мне сын фронтовика Александр, который сейчас живёт в Красноярске. Он, будучи врачом-стоматологом, работал одно время в госпитале для ветеранов войны. В 2003 году к нему на приём попала старушка, фронтовичка, бывший врач-хирург. Зубы

протезировала. Разговорились. Выяснилось, что она в первые военные годы работала в медсанбате на Чёрной речке – том самом, куда попал после злополучного ранения отец. Александр начал задавать вопросы, не помнит ли она его отца.

«Да вы что! – воскликнула бывший хирург. – Таких случаев в моей практике, когда я ампутировала руки-ноги, за всю войну были тысячи... Но то, что ваш отец прошёл через мои руки, это 100 %. Другого медсанбата на Чёрной речке не было, и хирурга тоже...»

Кто бы мог подумать! Но не даром говорят, что Земля круглая.

И ещё один факт поведал мне Александр Иннокентьевич. Из 36 добровольцев, отправившихся из Пеледуя на фронт вместе с отцом, домой вернулся он один.

И. А. Карелин награждён медалями «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией», двумя орденами Отечественной войны I степени и орденом Отечественной войны II степени.

Умер фронтовик в 2011 году на 89-м году жизни. Похоронен в Пеледуе. Сейчас в посёлке живёт его дочь Ольга.